

**ПАСТОРАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ НОСТАЛЬГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ**

**ПАСТОРАЛЬНА КОНОТАЦІЇ НОСТАЛЬГІЧНОГО ДИСКУРСУ
ОЛЕКСАНДРИ ПЕТРОВОЇ**

**PASTORAL CONNOTATIONS OF THE NOSTALGIC DISCOURSE
OF ALEXANDRA PETROVA**

Фокина С.А.,

orcid.org/0000-0002-2406-0978

кандидат филологических наук, доцент,

докторант кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

В статье предпринята попытка анализа различных проявлений пасторальной модальности в ностальгическом дискурсе. Проанализированы факторы влияния ностальгических идеологем на творческую деятельность поэтов-эмигрантов. Акцентирована пороговость сознания, отличающая психосферу эмигранта, чей семиотический статус близок статусу путешественника. В ходе исследования была выработана гипотеза, согласно с которой тяготение поэта к пасторальной тематике и стремление обыгрывать пасторальные мотивы могут способствовать введению в текст имплицитных кодов ностальгии.

Выражение непосредственно авторского сознания в заданных исследованием рамках рассмотрено на примере лирического сюжета современной поэтессы Александры Петровой, которая сейчас проживает в Италии. В качестве иллюстративного материала выбрано стихотворение «Пастух вещей...». Осмысление лирического сюжета А. Петровой позволило интерпретировать стратегии мифологизации ностальгического дискурса. Выявлена вариативность, присущая идеализированным объектам и хронотопам, входящим в смысловое поле, моделируемое фантазией ностальгика. Прослежены механизмы манифестируемого отказа от поиска идентичности и в то же время стратегии идентификации, присущие поэтической манере А. Петровой. Проанализирована интердискурсивная маркированность образа «пастуха вещей» в соотношении с пасторально-мифологическими моделями. В ходе исследования была выявлена смысловая нагрузка пасторальных мотивов и их взаимосвязь на уровне подтекста с ганимедовой и орфической ипостасями лирического «я». Сделан вывод о высокой степени архетипичности образной системы А. Петровой, что обусловлено как экзистенциальной модальностью переходной эпохи, так и установками авторского мифа поэтессы.

Ключевые слова: ностальгия, пасторальность, Потерянный рай, автометаописание, авторский миф, идентификация.

У статті зроблено спробу аналізу різних проявів пасторальної модальності в ностальгійному дискурсі. Проаналізовані фактори впливу ностальгійних ідеологем на творчу діяльність поетів-емігрантів. Акцентовано пороговий характер свідомості, що притаманна психосфері емігранта, чий семіотичний статус є близьким до статусу мандрівника. У ході дослідження була запропонована гіпотеза, згідно з якою тяжіння поета до пасторальної тематики та прагнення інтерпретувати пасторальні мотиви може сприяти введенню в текст імпліцитних кодів ностальгії.

Вираз безпосередньо авторської свідомості в заданих дослідженням рамках простежено на прикладі ліричного сюжету сучасної поетеси Олександри Петрової, яка зараз живе в Італії. Для ілюстративного матеріалу обрано вірш «Пастух речей...», що є показовим для поетики та аксиології О. Петрової. Осмислення ліричного сюжету дозволило інтерпретувати стратегії мифологізації ностальгійного дискурсу. Виявлено варіативність, що притаманна ідеалізованим об'єктам та хронотопам, які входять до смислового поля, моделюємого фантазією ностальгика. Розглянуто механізми відмови від пошуку ідентичності, а також стратегії ідентифікації, які властиві поетичній манері О. Петрової. Проаналізована інтердискурсивна маркованість образу «пастуха речей» у співвіднесенні з пасторально-мифологічними моделями. У ході дослідження було виявлене смислове навантаження пасторальних мотивів та їх співвіднесення на рівні підтексту з ганимедовою та орфічною іпостасями ліричного «я» в дискурсі сучасної поетеси-емігранта. Осмислено високий ступінь архетипичності образної системи О. Петрової, зумовлений як екзистенціальною модальністю перехідної епохи, так і настановами авторського міфу поетеси.

Ключові слова: ностальгія, пасторальність, Втрачений рай, автометаопис, авторський міф, ідентифікація.

The article attempts to analyze the various manifestations of pastoral modality in nostalgic discourse. The influence factors are analyzed of nostalgic ideologues on the creative activity of emigrant poets. The threshold of consciousness is emphasized that distinguishes the psychosphere of an emigrant whose semiotic status is close to a traveler. During the study was developed the following hypothesis that the poet's attraction to pastoral themes and the desire to beat pastoral motives can contribute to the introduction of implicit codes of nostalgia in the text.

The expression of the author's consciousness is considered directly within the limits given by the study on the example of the lyrical plot of the modern poetess Alexandra Petrova, who now lives in Italy. The poem "Shepherd of Things..." is chosen as illustrative material. The reflection of the lyrical plot of A. Petrova allowed to interpret strategies of mythologization

of nostalgic discourse. The variability has been identified inherent in idealized objects and chronotopes included in the semantic field, modeled by the imagination of nostalgia. Mechanisms of demonstrated refusal been traced to search for identity and at the same time identification strategies inherent in the poetic manner of A. Petrova. Interdiscursive marking has been analyzed of the image of the "shepherd of things" in relation to pastoral-mythological models. The study revealed the sense load of pastoral motifs and their relationship at the level of subtext with ganymedean and orphic hypostases of the lyrical "I". The conclusion is made about the high degree of archetypity of the A. Petrova's figurative system, which is caused both by the existential modality of the transition era, and by the attitudes of the author's myth of the poet.

Key words: nostalgia, pastorality, Paradise Lost, self-description, author's myth, identification.

Постановка проблеми обусловлена актуальностью изучения наследия современной поэтической диаспоры и необходимостью осмысления авторских вариантов модификации ностальгического дискурса.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование пасторальности имеет давние традиции и продолжает активно развиваться [3; 6; 7; 9]. Привлекательной для исследования представляется взаимосвязь феномена ностальгии с пасторальными кодами и сюжетами. Вышеуказанная преемственность была акцентирована в работах Ф.Р. Анкерсмита [1], С. Бойм [2], Н. Пахсарьян [3], но требует детальной разработки и разностороннего осмысления как в теоретическом плане, так и на материале творчества современных поэтов-эмигрантов, к которым относится и Александра Петрова.

Цель статьи – изучить проявления ностальгического дискурса А. Петровой в соотношении с пасторальными коннотациями как фиксаторами идеализируемого хронотопа.

Изложение основного материала. Открывает поэтическую книгу Александры Петровой «Только деревья» стихотворение, начинающееся строками «Пастух вещей»:

*Пастух вещей,
не ты ль умел глядеть
в лицо предметов затаённых?
А что теперь?
Горизонтально плачешь.
У тётки тишины растут усищи тьмы
а в дверь заглядывает мальчик
едва ль желательной красы.*

*Всё разбрелось теперь,
не откликается на имена,
и не собрать рожеком пастушьим.*

*Послушай, Сашенька, послушник,
не лучше ли разрозненным вещам
отдать части себя, как прежде
нас их сам? [4, с. 15]*

В третьей книге стихов поэтесса фиксирует смену места эмиграции, ранее это был Иерусалим.

Будучи ярким представителем современных русских поэтов-эмигрантов, А. Петрова в новой книге обыгрывает некоторые римские топосы, вводит рецепции итальянских веж и образа жизни. Но примечательным представляется в поэтическом даровании А. Петровой обращение к феномену пасторальности, что может способствовать выявлению скрытых кодов ностальгии.

Дух современности отличает урбанистичность жизни человека, сформированная еще на этапе зарождающейся современной модальности, ощущение пограничности существования и утраты ориентиров, присущее переходным эпохам. С точки зрения Н. Сподарец, для типа модернистского сознания «концепт *трансгрессия* стал базовым», включая в ментальную парадигму образ «человека в поисках своей идентичности» [5, с. 231]. Трансгрессивность, ироничность и даже разочарованность постпостмодерного мировидения нашего времени нуждаются в обретении хотя бы временной стабильности, уравнивающей человеческое бытие. Такую своего рода моральную компенсацию в определенной степени обеспечивает тяга к природе как возможность отдохновения, реализуя идеологему пасторальности.

Сегодняшней культурной ситуации присуща двойственность рецепции пасторальности. Т.В. Саськова утверждает, что «под пасторалью в широком смысле понимается «модальность» как совокупность содержательных признаков, подразумевающих особое мироощущение, систему ценностей, идеал, тип героев» [6, с. 3]. Пастушеская ипостась, избранная в качестве эмблемы поэта и проявляющаяся как вариант автометаописания, эксплицирует несомненный интерес А. Петровой к пасторальной модальности. Наблюдения Я.С. Линьковой подтверждают несомненную актуальность расширения «сферы влияния и функций современной пасторали путем включения в художественный текст концепций эколитературы», делая «этот жанр открытым всем новейшим трактовкам поэтики» [7, с. 273]. Осознание несомненной важности эколитературы вполне могло стимулировать интерес А. Петровой к пасторальности. Но представляется более убедительной версия потребности поэтессы найти эквивалент вдохновения, обретения подлинности

и познания себя, которые в сознании А. Петровой нерасторжимо связаны с природой. Помимо внимания к теме экологии, проявлено стремление раскрыть архетипические коннотации пастушеской роли, неоднократно мифологически приписываемой поэту. Уже название сборника «Только деревья» задает темы природы, экологии и обыгрывает образ мирового древа.

В контексте взаимосвязи эколитературы и пасторальности Н. Пахсарьян отмечает явное стремление эстетико-философского универсума «противостоять прогрессирующему разрушению естественного ландшафта» [3, с. 174]. Но по наблюдению исследовательницы, нынешнее время не пасторально по своему духу – это эпоха «путешественников, людей, не сидящих на месте и не замыкающихся в одном тесном пространстве дома» [3, с. 185]. В связи с таким ракурсом рассмотрения невозможна фиксация на одном идеализированном объекте, приравниваемом к мифологической Аркадии.

Столь неоднозначная установка современного пасторального дискурса показательна своей противоречивостью как ведущей чертой переходной эпохи. Для культурного феномена поэта-эмигранта вышеописанная ситуация несколько трансформируется. Семиотический статус эмигранта по определению близок статусу путешественника, а потенциальная возможность ностальгирования открывает пути идеализации значимых объектов, временных континуумов или же хронотопов. Аналогичный сдвиг сознания, согласно нидерландскому мыслителю Ф. Анкерсмит, присущ и феномену ностальгирования. Так, «ностальгия глубоко связана с чувством смещения или самим процессом смещения» [1, с. 371], подразумевая замену реального времени и места, в которых находится ностальгик, идеализированным хронотопом. Ф. Анкерсмит утверждает, что «ностальгия отнимает у объекта ностальгического желания конкретное существование, которым он все еще обладал в контексте исторического опыта» [1, с. 374]. Данная ситуация способствует выпадению личности из исторического времени и включению в режим мифологизирования, что, в свою очередь, обуславливает «связь пасторального топоса Аркадии с ностальгией» [3, с. 171].

Такая замена реальности мифологизированными моделями мировосприятия актуализирует стремление ностальгика модифицировать ситуацию собственной психологической и экзистенциальной пограничности. По утверждению О. Демидовой, в периоды катаклизмов и нестабильности, к которым исследовательница отно-

сит и ситуацию эмиграции, «миф в значительной степени способствует *самоидентификации* индивида...» [8, с. 511]. Эмигрантская среда первой волны, весьма разнородная в плане как политической, так и художественной идеологии, создавала и модифицировала различные сверхтексты: петербургский, московский, уездный, берлинский, парижский, пражский и др. Эстетизации подвергался и «сам факт эмиграции, переживаемой <...> в известных архетипических параметрах изгнания из Рая...» [8, с. 517]. Такой ракурс, в свою очередь, соответствует ностальгическим стратегиям и современной поэтической диаспоры: вниманию к урбанизации сознания современного человека, соотношению его с городской средой, поиску модели идеализированного хронотопа, актуализации процессов идентификации и мифотворчества.

Для современных поэтов-эмигрантов мифологема «потерянного Рая» по-прежнему остается в той или иной мере актуальной и даже при вытеснении неизменно взаимосвязана с режимом ностальгирования. Значимость для ностальгика вариаций сюжета «изгнания из Рая» высвечивает и явные пасторальные коннотации.

С точки зрения А. Гринштейна, образ «Потерянного рая» образует смысловую парадигму, где «различные проявления этого метатопоса (Золотой век, Потерянный рай, Остров блаженных, Аркадия и т. д.) выступают в тексте как формы осуществления разных модальностей в рамках одного модуса...» [9, с. 161]. Для лирики А. Петровой в целом показательно стремление избегать прямого использования вышеназванного метатопоса. Если образ Аркадии и присутствует, то только в подтексте. Для поэтессы характерно обыгрывание скорее темы утраты, чем стремление вернуться в утраченный Эдем. Включения А. Петровой данного метатопоса в авторский миф связано со смысловыми комплексами: природа, экология и пасторальность, зачастую обыгрывающие темы радости и попытки обретения гармонии.

Маркеры пасторальности в творчестве поэтов-эмигрантов становятся идентификаторами ностальгии. Такая особенность поэтики присуща А. Петровой, живущей ныне в Италии и эксплицирующей попытку ухода от позиции ностальгика и стратегий идентификации. С. Сандлер в рецензии на книгу «Только деревья» подчеркивает, что «пастушеский мотив нередок в новейших стихах Петровой, не говоря уже о философской оперетте «Пастухи Долли» [10, с. 10]. Обыгрывание пасторальных реминисценций в лирическом

дискурсе поэтессы становится скрытым указанием факта ностальгирования. Образ «пастуха вещей» помимо пасторальности акцентирует внимание на семиотическом аспекте номинации. Такой ракурс, согласно логике авторского мифа А. Петровой, усваивающей традицию и в то же время ее и разрушающей, соотносим с метафорической миссией поэта.

Корреляция в авторском мифе А. Петровой пасторальных мотивов с темой вещей в игровом ключе возвращает к архетипическим представлениям, наделяющим поэта пастушеской функцией, умением завораживать живые существа и вещи, правом давать им имена. Такой смысловой спектр активизирует мифологемы не только Адама, но и Орфея, Давида и других персоналий, античных и библейских, связанных как с пастушеской ролью, так и с функцией наречения. Адамов дар – возможность давать имена – подразумевает, что имя определяет сущность называемого предмета или субъекта, наделяя его собственным значением и определенной судьбой в мире, а в создаваемой поэтом смысловой парадигме поэтического универсума – местом и своим «сюжетом». Но, как верно замечает С. Сандлер касательно отказа поэтессы от наименований своих стихотворений, входящих в третью поэтическую книгу, «Петрова отказывается быть самозванным Адамом», ведь «нарекать – значит устанавливая идентичность, а Петрова описывает мир, где всё изменчиво» [10, с. 6]. Изменчивость и смутная загадочность мира, зыбкость ранее константных основ, ощущение надлома, порогости существования, с одной стороны, и тайное желание обрести некий утерянный рай, эквивалентами которого могут быть дом, память, мечта, визия, ностальгия – с другой, становятся своего рода координатами, центрирующими лирический сюжет А. Петровой.

Отказ А. Петровой от идентификации показателен как для переходной эпохи, так и для статуса поэта-эмигранта. По наблюдению Н. Хренова, «изменчивость вещей в историческом времени мешает их идентифицировать» [11, с. 232], а присущее переходным эпохам и типам сознания стремление к ментальному отстранению от «исторического времени с его текучестью, изменчивостью и непредсказуемостью одновременно означает актуализацию мифологического времени как основу актуализации архетипов» [11, с. 233]. Для лирического дискурса А. Петровой показательна высокая степень архетипичности, что соответствует ее стремлению включать в свой авторский миф мифологемы двойничества, близнечности, метаморфоз и трансформаций как макрокосма –

мира вокруг, так и микрокосма – образа лирического «я».

Для поэта-эмигранта, при изменчивости и пограничности места в мире, психосферы, социальной и аксиологической позиции, потенциальная возможность идентификации обусловлена ностальгией. Согласно мысли С. Бойм семиотический механизм, воздействующий на сознание при ностальгировании, может быть реализован не только как тоска по родине или же идеализированному прошлому, но и «по настоящему совершенному времени и его упущенному потенциалу» [2, с. 64]. Феномен ностальгирования соответствует современной чувствительности, соотносимой с топонимикой мегаполиса, что обуславливает установку на его замену идеализированным хронотопом. По утверждению С. Бойм, «объект ностальгии может варьироваться» [2, с. 72]. Так, феномен ностальгии соотносится с изменчивостью как тоской по идеализированному прошлому, так и утратой счастливых возможностей данного момента, сменой потенциальной локализации и активизацией фантазийного потенциала ностальгирующего.

Если обратиться непосредственно к поэтическому тексту А. Петровой «Пастух вещей...», то, помимо пасторальной мифологии, обнажаются основы авторского мифа поэтессы, апеллирующие как к скрытому ностальгическому чувству, так и к собственной идентификации – как поэта в локальном плане и в рамках гендера.

Авторская стратегия А. Петровой позволяет идентифицировать образ «пастуха вещей» не только как эвфемизм поэта и вариант автометаописания, но и в контексте различных мифологических, литературных и культурных реминисценций. Образная система лирического сюжета А. Петровой соответствует обозначенной Т.В. Саськовой «органичности сказочно-пасторальных сплавов» [6, с. 4]. Гендерное распределение ролей поэтессой в анализируемом поэтическом тексте выстраивается по некой сказочной модели. Если женская составляющая в сюжете предстает как воплощение демонического начала, нивелирования женственности и огрубения («*У тётки тишины растут усищи тьмы*»), то мужская ипостась соотносится с юностью, красотой, воплощением идеала и активизирует мифологему Ганимеда («*а в дверь заглядывает мальчик / едва ль желательной красы*»). Юный Ганимед «пас отцовские стада на склонах Иды, был похищен Зевсом <...> и унесен на Олимп» [12, с. 141], стал воплощением мужской прелести и неоднозначности судьбы. Из-за влюбленности в него

Зевса Ганимед реализует идею избранности. При этом благосклонность Громовержца проявилась неоднозначно: в похищении юноши и даруемой ему награде – чести стать виночерпием на пирах богов. Включение ганимедова сюжета в текст А. Петровой обыгрывает и тему легендарной красоты мифологического героя, и его пастушескую ипостась. В семиотическом плане явны не только избраннические коннотации ганимедовой роли, но и пассивные – быть объектом страсти, благоговейным прислужником, игрушкой в руках рока, что в определенной степени присуще и тому, кто предается ностальгии.

В образе, созданном А. Петровой, можно выделить мифологический пласт, связанный и с орфическим комплексом. Согласно наблюдениям Л. Силард, «ядро мифологемы Орфея в религии орфиков включает символику очищения и восхождения» [13, с. 68]. Идентификация

«пастуха вещей» как ипостаси Орфея и совмещение с ганимедовой мифологемой усиливает мотив вознесения – вариацию творческого прорыва. Обыгрывание поэтессой трансгрессивности сознания, активируемые мифологемой Орфея, направлено и на отражение противоречивой, во многом амбивалентной природы современного поэта-эмигранта.

Выводы. Умение поэта «*глядеть / в лицо предметов затаённых*» в соотношении с орфической темой не только обыгрывает мотивы постижения сути вещей и Адамова дара давать имена, но и предстает как медиация, становящаяся истинным источником вдохновения, познания окружающей реальности, а главное – себя в мире и мира в себе.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане изучения модификаций «пасторального сюжета» на материале современной лирики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. Москва : Пресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии. Москва : НЛО, 2019. 680 с.
3. Пахсарьян Н.Т. Пасторальное отшельничество как выбор современного парижанина: роман Ж.-М. Шеврье «Далекая Аркадия» *Человек: образ и сущность*. 2011. Вып. 1(22) : *Современный человек: Движение к пасторали?* С. 170–187.
4. Петрова А. Только деревья. Москва : НЛО, 2007. 120 с.
5. Сподарец Н.В. Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация. Одесса : Астропринт, 2017. 452 с.
6. Саськова Т.В. Пастораль в русской литературе XVII – первой трети XIX века : автореф. дис. на соискание уч. степени док. филол. наук. Москва, 2000. 42 с.
7. Линькова Я.С. Научные трактовки метажанра пасторали 2000-х годов *Человек: образ и сущность*. 2011. Вып. 1(22) : *Современный человек: Движение к пасторали?* С. 263–273.
8. Демидова О.Р. Эстетизация как стратегия мифотворчества: эмигрантский вариант. *Миф и художественное сознание XX века*. Москва : Канон-Плюс, 2011. С. 511–533.
9. Гринштейн А.Л. Потерять нельзя найти: пасторальная и идиллическая топика в романе П. Акройда «Мильтон в Америке» *Многоликая пастораль: современные проблемы изучения*. Москва : Академия им. Моймонида, 2018. С. 161–170.
10. Сандлер С. Поэт как перемещенное лицо: предисловие. *Только деревья*. Москва : НЛО, 2007. С. 5–12.
11. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
12. Тахо-Годи А. Ганимед *Мифология. Большой энциклопедический словарь*. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 141.
13. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма *Герметизм и герменевтика*. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.